
Алла Нестерова
Чужая в моём зеркале.
Изнанка отражения.
18+

Алла Нестерова

Чужая в моём зеркале. Изнанка отражения.

«Автор»
2026

Нестерова А.

Чужая в моём зеркале. Изнанка отражения. / А. Нестерова — «Автор», 2026

- Слышу, - произнесла я. - Что ты хотела и почему звонишь не со своего номера?- Что бы не светить свой. Костик душ принимает, решила воспользоваться его телефоном. Узнай ты мой номер, ведь обязательно сразу же донесёшь отцу.- Я пока не сказала папе, что ты в городе.- Почему же? – насмешливый голос сестры. – На тебя это не похоже. У тебя же как, чуть что, сразу бежишь докладывать папочке.- Не хочу волновать его раньше времени, но, когда он вернётся, обязательно расскажу.- Какая образцовая дочь. – ехидно ответила сестра. - Всегда была. Почему ты такая зануда, а, Рит?- Милана, - устало произнесла я. - Говори по делу. Что ты хотела? Иначе я сейчас отключусь.- Ты, как всегда, в своём репертуаре. - и сестра рассмеялась. - Ты мне в принципе, не нужна, да и разговаривать нам не о чем. Костя отсудит у тебя дочь, я выйду за него замуж и все будут счастливы! Кроме тебя! Ха-ха! - продолжала издеваться она. - Твой муж, тебе же рассказал, что Аня его дочь, ах ну да, рассказал....

© Нестерова А., 2026
© Автор, 2026

Алла Нестерова
Чужая в моём зеркале.
Изнанка отражения.

ГЛАВА 1

Говорят, предчувствие - это голос, который мы разучились слушать. Я его слышала. Уже несколько недель он звучал где-то на периферии сознания, негромко, настойчиво, но когда ещё не понимаешь: то ли случится катастрофа, то ли просто настроение такое.

Я не слушала, точнее, не предавала ему значения.

Потому что мне было так удобно.

В тот вечер я вернулась домой раньше обычного. Выставка картин в галерее моей лучшей подруги Лены сорвалась. Художник, чьи работы должны быть представлены ушёл в запой, и мы разошлись, не успев даже выпить по бокалу шампанского.

- Зачем я с ним связалась? – сетовала подруга, когда мы на улице остались с ней вдвоём. – Ведь мне говорили, что Горюнов человек ненадёжный…Господи! Столько труда, денег и энергии я вложила, чтобы провести выставку на высшем уровне. Пресса, селебрити, и прочий важный люд. Боюсь даже представить, что завтра напишут в журналах. Мне конец! После сегодняшнего ни один маломальский узнаваемый художник не захочет у меня выставляться.

- Лен, не расстраивайся, – я взяла её за руку. – Через неделю об этом все забудут. Хочешь поговорю с Костей? Он этому Горюнову устроит «небо в алмазах», ещё и неустойку тебе заплатит.

- Ритка, о чём ты говоришь? Твой Костик меня терпеть не может. С чего он вдруг кинется мне помогать?

И это была правда. До сих пор не понимаю, какая кошка между ними пробежала.

Костя.

Мой муж.

Семь лет вместе. Пять, в браке. Красивые, умные, успешные. Любящие друг друга.

Последнее я добавила по инерции. Так, как добавляют соль в уже готовое блюдо, не пробуя, просто потому что приноровились готовить «на глазок».

Лена не любила Костю. Никогда не скрывала этого, хотя и не объясняла, почему. Просто молчала с той характерной полуулыбкой, которую я научилась читать за двенадцать лет дружбы. Лена вообще умела молчать красноречивее, чем иные говорят. В этом была вся она, точная, сдержанная, никогда не скажет лишнего, но так расставит паузы, что ты сам додумаешь всё, что нужно. Галерея была её детищем, продолжением её самой - строгая, со вкусом, без лишних украшений, зато каждая деталь на своём месте. Я всегда завидовала этой её способности знать, где чему место.

С Костей у них отношения не заладились сразу. Я так и не выяснила причину взаимной антипатии между ними. Спросила подругу однажды, но она только пожала плечами: «Рит, просто мы не сошлись энергетически. Не обращай внимания. Ты с ним счастлива и это главное.». Её ответом я ограничилась и больше вопросов не задавала.

Костя платил ей взаимностью, щедро, без сдачи.

Я вспомнила утро. Сегодняшнее утро, которое теперь казалось далёким, как прошлая жизнь.

Он сидел за столом с телефоном в руках, листал новостную ленту.

Я поставила перед ним чашку с кофе. Он даже не поднял глаз.

- Кость, ты помнишь, сегодня вечером выставка в галерее у Лены? - спросила я, садясь напротив.

Пауза. Он отложил телефон и посмотрел на меня.

- Помню.

- Пойдём вместе? Она столько сил вложила, там будет интересно. Горюнов, серьёзный художник, о нём сейчас все говорят...

- Рит. - Он наконец посмотрел на меня. Взгляд спокойный, почти скучающий. - Ты же знаешь, что я не пойду.

- Не знаю, - сказала я, хотя знала. - Почему нет? Один вечер.

Он сделал глоток кофе, снова взял телефон в руку. Это означало, что разговор будет окончен быстро и в одностороннем порядке.

- Потому что у меня встреча. Потому что после встречи я буду уставшим. И потому что, - он сделал крошечную паузу, которая почему-то всегда действовала на меня как взгляд удава на кролика, - мне неинтересно проводить вечер там, где мне неинтересно.

- Даже ради меня?

- Что?

- Иногда люди делают что-то ради другого человека, - произнесла я, тщательно подбирая слова. - Костя, мы давно никуда не выходили вместе. Пойдём, пожалуйста. Лена будет рада.

Он посмотрел на меня с тем выражением, которое я ненавидела больше всего. Не злым, не холодным, а каким-то снисходительным. Как смотрят на ребёнка, который упрямится без причины.

- Ты хочешь, чтобы я провёл вечер на скучной выставке у женщины, которая мне неприятна, делая вид, что всё отлично и я рад её видеть? - Он снова уткнулся в телефон, и закончил, не поднимая взгляд. - Нет, Рита, даже не проси. Пойдём с тобой в любое другое место, какое ты захочешь, ресторан, кино…, да куда угодно, хоть к чёрту на кулички, но…, идти к твой сумасшедшей подруге…, нет уж, уволь меня от этого.

- Костя, что всё-таки между вами произошло? Почему вы с самого первого дня знакомства терпеть не можете друг друга?

- Рита, ничего между нами не произошло. Твоя Ленка, истеричка, экзальтированная особа, склонная всё преувеличивать. Крикливая, громкая, к тому же, на моей памяти, она сменила уже семь любовников и это, не считая трёх официальных мужей. – он оторвал взгляд от телефона и посмотрел на меня. – Рит, я не понимаю вашей дружбы. Где ты и где она? Ты серьёзная женщина, у нас дочь, работаешь в компании своего отца на руководящей должности. Вы с ней, как небо и земля. Я против вашей дружбы. Подумай об этом, кто тебе дороже, я и Анютка или она.

Я ничего не ответила на выпад Кости, так как этот разговор возникал, между нами, неоднократно и я не видела смысла вновь объяснять ему почему наша дружба с Ленкой крепка и нерушима.

- Не надо говорить с Костей. - голос Ленки вернул меня к действительности. - Ритка, милая моя, да он будет только рад, что у меня всё сорвалось.

- Лен, - перебила я. - ну что ты. Костя, конечно, относится к тебе…, неважно, но радоваться твоим неприятностям не будет.

- Будет, Рит. – она сжала мою руку. – Ну что, по домам? Тебя подвезти?

- Нет, езжай. Я вызову такси.

- Ну как знаешь! Вызывай машину, я подожду, когда ты сядешь в машину, потом поеду.

Я вызвала такси в приложении и через пять минут, машина подъехала к зданию и остановилась рядом с нами.

- Ну всё, пока. – чмокнула подругу в щёку и сделала шаг к такси.

- Пока. Напиши, как будешь дома.

- Хорошо.

Я села на заднее сидение и водитель, выехав на проспект, влился в бесконечный поток автомобилей, и машина понесла меня по вечернему городу в сторону дома. Я достала телефон, набрала номер мужа, длинные гудки, один, другой. Костя не отвечал, видимо укладывает Анютку спать, время позднее. Прервала вызов.

Таксист что-то говорил про пробки, про погоду, про то, что на следующей неделе обещают снег. Я отвечала односложно, глядя в окно. Город проплывал мимо огни витрин, силуэты прохожих, жёлтые конусы фонарей на мокром асфальте. Всё, как всегда. Всё как будто в порядке.

Предчувствие молчало.

Или я снова его не слышала.

Домой я добралась быстрее, чем рассчитывала. Светофоры в этот вечер словно сговорились и на перекрёстке при нашем приближении переключались на зелёный, пропуская нас без задержек. Расплатившись, вышла, постояла секунду у подъезда. Вдохнула сырой октябрьский воздух и вошла в подъезд. Поднялась по лестнице на третий этаж.

Дверь в квартиру открылась бесшумно, вошла в прихожую, в квартире темно, только из-под двери гостиной пробивалась полоска света. Я сняла ботильоны, повесила пальто. Всё механически, на автопилоте.

Сделала шаг в направлении комнаты и тут услышала.

Сначала, просто звук. Неясный, приглушённый. Я решила, что Костя включил телевизор. Сделала шаг по коридору, потом ещё один. Звук стал отчётливее. Голоса. Два голоса мужской и женский, и в них было что-то такое... неправильное. Не интонация разговора, не смех, не случайная фраза фильма.

Я остановилась у самой двери, прислушалась.

Сердце сделало странный кульбит. Не прыжок, не провал, а просто на долю секунды перестало биться. Как часы, которые сбились с ритма.

Женский голос, низкий, с придыханием, произнёс что-то неразборчивое. Потом имя. Его имя.

- Костя...

Тихо. Почти нежно.

Я стояла у двери в гостиную и не двигалась. Не знаю, сколько времени прошло. Может быть, секунда. Может быть, целая жизнь. Рука сама потянулась к ручке двери - не потому, что была готова увидеть, просто тело действовало без моего разрешения.

Я толкнула дверь.

Она распахнулась резко, с лёгким стуком о стену, и я увидела.

Диван. Наш диван, серый, с пледом, который я купила два года назад на зимней распродаже. На диване Костя. И женщина! Она лежала в объятиях моего мужа, спиной ко мне. Тёмные длинные волосы, полностью закрывали спину.

Они не сразу поняли, что я вошла.

Тишина обрушилась так внезапно, что в ушах зазвенело.

Костя поднял голову. Посмотрел на меня. И я увидела в его глазах не страх, не стыд, не то отчаяние, с которым человек бросается объяснять, умолять, оправдываться. Я увидела раздражение. Мгновенное, хорошо мне знакомое, то самое, которое появлялось, когда я спрашивала не то или обращалась к нему с бытовыми просьбами.

- Рита. - Он произнёс моё имя спокойно, буднично, будто я не застала его за изменой, а просто спросила, что он будет на завтрак. – Ты рано. Выставка уже закончилась?

Я не ответила.

Не потому, что не нашла слов. Слова были, целая лавина, где-то внутри, готовая сорваться и накрыть всё живое под собой. Но я молчала, потому что вдруг с абсолютной ясностью поняла: кричать не нужно. Плакать не нужно. Устраивать сцену, не нужно.

Женщина повернула голову, и я с ужасом поняла, передо мной моя сестра близнец, Милана.

ГЛАВА 2

Есть вещи, к которым человека нельзя подготовить.

Можно прочитать тысячу книг о предательстве. Можно смотреть фильмы, слушать истории подруг, кивать с понимающим видом - да, да, я представляю, как это больно. Но когда это случается с тобой, никакой опыт не работает. Потому что реальность всегда оказывается не такой, какой ты её воображал. Она всегда хуже.

Милана смотрела на меня.

Я смотрела на Милану.

Это было похоже на зеркало, которое вдруг отразило что-то, чего не должно было существовать. Те же глаза, тёмно-серые, с крапинкой янтаря у зрачка, которую замечаешь только вблизи. Тот же изгиб губ, та же линия скул. Моё лицо. Моё собственное лицо смотрело на меня с дивана, из объятий моего мужа, и я никак не могла заставить мозг сложить эту картину в нечто осмысленное.

Секунда.

Две.

Три.

Никто не двигался.

Потом Милана села. Потянула на себя плед, не спеша, с грацией пантеры, завернулась в него с отточенной небрежностью, которая бывает только у людей, привыкших, что весь мир вращается вокруг них и которым абсолютно наплевать на чувства других.

- Рита... – начала она.

- Не надо, - сказала я. – Молчи. С тобой мы разберёмся позже.

Собственный голос удивил меня. Ровный. Почти спокойный. Как будто говорил кто-то другой, а я только стояла рядом и слушала.

Костя поднялся с дивана. Надел рубашку, застегнул на одну пуговицу, вторую, а я смотрела на его пальцы с той тупой сосредоточенностью, с которой смотришь на что-то совершенно незначительное, когда внутри всё рушится. Третья пуговица. Четвёртая.

- Рита, сядь, - произнёс он. - Давай поговорим спокойно.

- Спокойно, - повторила я. Слово было странным на вкус, как будто из чужого языка. - Ты хочешь поговорить спокойно.

- Я понимаю, что это выглядит...

- Как? - я, наконец, посмотрела на него прямо. - Как это выглядит, Костя? Подбери слово. Мне интересно, какое слово ты выберешь.

Он замолчал.

Милана встала, придерживая плед. В её движениях не было растерянности, только что-то похожее на усталость. Как будто она давно ждала этого момента и теперь просто была рада, что ожидание закончилось.

- Рит, - сказала она тихо. - Мне жаль, что...

Я резко повернула голову в её сторону.

- Жаль, что? - прошипела я. - Что вообще ты делаешь в городе? Родители знают, что ты вернулась?

Она не ответила. Только чуть сжала губы - знакомый жест, наш с ней общий жест, который мы обе делаем, когда нечего сказать в своё оправдание, только отрицательно покачала головой. Я знала его так же хорошо, как знала своё собственное отражение.

Костя сделал шаг в мою сторону.

- Рита, послушай...

- Отойди, - сказала я негромко, но он остановился.

В гостиной было тихо. За окном шелестел дождь, где-то в глубине квартиры тикали часы. Жизнь продолжалась, снаружи, в механизмах и каплях воды и только здесь, в этой комнате, время как будто остановилось и не знало, как двигаться дальше.

- Давно ты вернулась? - спросила я. – И как давно вы любовники?

Костя и Милана переглянулись. Этот взгляд, быстрый, почти незаметный, ударил меня точнее любых слов. Потому что в нём было то, чего я не видела между мной и Костей уже очень давно. Понимание. Общий язык. Что-то живое.

- Рита... - Милана сделала шаг ко мне. - Давай я объясню.

- Ты уже объяснила, - сказала я. - Этим взглядом. Только что. Так что - давно?

Молчание длилось секунды три. Потом Костя сказал:

- Три месяца.

Три месяца. Каждый его поздний приход домой. Каждая командировка. Каждый вечер, когда он сидел напротив меня с телефоном и не поднимал глаз. Каждое утро, когда я ставила перед ним кофе, а он даже не говорил спасибо.

- Три месяца, - повторила я вслух. Просто чтобы услышать, как это звучит.

- Рита, это не то, что ты думаешь, - произнесла Милана, и в её голосе было что-то, от чего мне захотелось закрыть глаза. Не злость. Не стыд. Убеждённость. - Между нами... это серьёзно. Я не оправдываюсь, я просто хочу, чтобы ты поняла - это не случайность, не...

- Серьёзно, - перебила я.

- Да.

Я смотрела на неё. На своё лицо с чужим выражением. На свои глаза, которые смотрели на меня без вины, только с этой невыносимой убеждённостью человека, который уже всё для себя решил.

- Сейчас я разбужу дочь, и мы поедем к моим родителям, - сказала я медленно. - Хотя нет. Вы убирайтесь из моей квартиры, чтобы через пять минут вас не было. А тебе, - я повернулась к сестре. – Мало не покажется, когда я расскажу папе, что ты вернулась без его ведома.

- Ты видимо забыла дорогая, что Аня моя дочь. - ответила сестра.

- Вспомнила о дочери, о которой не вспоминала пять лет!? Что ты задумала Милана? Забрать её у меня? Зачем! Она тебе не нужна. Ведь папа, в тот день, когда ты в роддоме подписала отказ от ребёнка и потребовала денег, поставил условие, что ты никогда больше не появишься в нашей жизни и ни на шаг не подойдёшь к девочке. Ты получила за это огромную сумму.

- Я осознала, что поступила плохо. – она нагло ухмыльнулась. - Хочу познакомиться с дочерью, пока на правах тёти, а когда она подрастёт, скажу её правду.

- Господи! – я заметалась по комнате. – Я немедленно забираю дочь отсюда. Ты её никогда не увидишь, я не допущу этого.

- Рита, постой. – сказал Костя. – Ани нет дома, её забрала моя мама сегодня. Я попросил.

- Почему я об этом не знаю? – я уставилась на Костю. – Почему ты мне ничего не сказал?

- Я звонил тебе, ты не взяла трубку.

- Враньё! – закричала я. – Не было от тебя звонков.

Костя опустил взгляд, потом снова посмотрел на меня и сказал:

- Послушай, Рита. Я понимаю, ты в шоке и сейчас на взводе, давай поговорим, когда мы все успокоимся. Решим, как жить дальше.

- Убирайтесь отсюда, - закричала я. – На развод подам сама. А ты Милана, убирайся туда, откуда приехала, пока я ничего не рассказала родителям. Только попробуй приблизиться к моей дочери, я по стенке тебя размажу.

- Давай, сестричка, беги, прямо сейчас звони! – Милана закричала в ответ. – Жалуйся папочке, ты же с детства такая. Чуть что «Папа, Милана меня ударила. Папа, Милана меня

оболгала. Папа, Милана забрала мои конфеты, испортила выпускное платье». – противным голосом процитировала она, подражая моим интонациям.

- Заткнись. – парировала я. – Убирайтесь оба!

- Много на себя не бери, Рита, квартира…, - начал Костя.

- Собирайся, мы уходим. – перебила его Милана. – Переночуем у меня в гостинице, ты же видишь, она не адекватна.

- Хорошо, мы уходим, но Рита, квартира-то моя, ты видимо об этом забыла, скоро мы вернёмся к разговору и выясним кто должен уйти, а кто остаться.

- Пошли вон, оба!

Я вышла из комнаты и ушла в кухню, встала у окна, смотрела на улицу, на освещённый двор, детскую площадку с одиноким фонарём, в голове противный гул, в груди ныло так, что трудно было дышать. Видеть Костю и сестру было выше моих сил, я боялась не сдержаться и опустить на их головы, что-нибудь тяжёлое. Спустя десять минут, Костя, заглянув в кухню, сказал:

- Мы уходим! Надеюсь, завтра ты успокоишься и начнёшь соображать. Я позвоню.

Я, не ответив, резко повернулась и кинула в него чашку, которая стояла на столе, но промахнулась. Чашка попала в стену, рядом с дверью и разбилась, усеяв мелкими осколками пол кухни. Костя быстро закрыл дверь с другой стороны, пробормотав «истеричка» и через минуту я услышала, как хлопнула входная дверь.

ГЛАВА 3

Они ушли.

И тишина навалилась на квартиру сразу, как будто только и ждала этого момента. Плотная, почти осязаемая тишина, стало слышно: капли дождя за окном, тиканье часов в коридоре, гул холодильника, стук собственного сердца.

Я прошлась по кухне.

Под ногами хрустнул осколок чашки, и я почему-то посмотрела вниз на белые фрагменты фарфора, разлетевшиеся по плитке. Это была моя любимая чашка. С нарисованным на боку маяком, куплена в маленьком магазинчике на набережной во время нашего с Костей отпуска в Португалии, три года назад. Я тогда долго выбирала, крутила в руках то одну, то другую, а Костя стоял в дверях и торопил меня, потому что хотел успеть до закрытия какого-то ресторана. В итоге купила эту, с маяком, потому что подумала: маяк - это ориентир, это свет и надёжность.

Смешно.

Я опустилась на стул. Сидела и смотрела в пространство перед собой, в белую стену с маленьким жирным пятнышком у выключателя, которое я собиралась вывести уже полгода и всё никак руки не доходили. Мозг отказывался работать. Не то чтобы он был пуст, напротив, в нём что-то происходило, бурлило, крутилось на огромной скорости, но ни одна мысль не успевала оформиться до конца, каждая обрывалась на полуслове, как нитка, которую тянешь и тянешь, а она всё не кончается.

Три месяца.

Я попыталась вспомнить эти три месяца. Прокрутить назад, по-новому. Взглянуть на привычные сцены под другим углом и они уже открывались иначе, перекрашивались в другие цвета, приобретали смыслы, которых я не замечала.

Костя, задержавшийся на работе в прошлый вторник. Костя, улетевший в Новороссийск на «переговоры» в сентябре на три дня. Костя, который в последние месяцы стал бриться каждый день, а раньше мог ходить небритым несколько дней подряд и его это совершенно не беспокоило.

Мелочи. По отдельности, ничего. Вместе, вся картина.

Я не плакала.

Это удивляло меня саму. Где-то в глубине, за плотиной, что-то копилось, я чувствовала это физически, как давление за глазами, как тяжесть в горле. Но плотина держала. Может быть, потому что боль была слишком сильной, чтобы выйти слезами. Может быть, потому что то, что я чувствовала, не было просто болью.

Это было что-то другое.

Что-то старое, давно забытое.

***

Нас с сестрой всегда путали.

Это была первая данность нашей жизни с Миланой. Нас путали, и мы с этим жили. Одно лицо, один рост, один голос. Учителя в школе делали паузу перед тем, как назвать нас по имени, и часто всё равно ошибались. На семейных фотографиях мы стояли с подписями «Рита» и «Милана», потому что иначе через год уже никто не мог вспомнить, кто есть кто.

Все думали, что это чудесно быть близнецами. Что это значит иметь лучшего друга с рождения. Встроенного компаньона, родственную душу, человека, который понимает тебя, как никто другой.

Может быть, так и бывает.

Но не у нас.

Мне было семь лет, когда я поняла, что Милана смотрит на меня не так, как смотрит любящая сестра. Я не умела тогда назвать это словом, просто чувствовала иногда в её взгляде было что-то, отчего мне хотелось сделать шаг назад. Что-то тёмное и быстрое, как тень, пробегающая по лицу. Она умела это прятать. Моя сестра всегда умела прятать то, что не хотела показывать. Улыбка возвращалась мгновенно, как маска, надетая одним привычным движением, и взрослые ничего не замечали.

Я замечала.

Это началось раньше, чем я осознала это. Может быть, тогда, когда нам на день рождения подарили велосипеды, мне ярко-красный, с белой корзинкой на руле и блестящими спицами, Милане точно такой же, только синий. Папа всегда старался соблюдать равенство, покупал нам одинаковые вещи, чтобы не было обид. Но у Миланы через неделю что-то случилось с цепью, слетела или порвалась и пока папа чинил его, она попросила покататься мой.

Я отдала. Потому что так правильно. Потому что она сестра.

Вечером мой велосипед она вернула с погнутым колесом и царапиной на раме. Милана сказала, что он сам упал, пока стоял у забора. Я не стала спорить. Но я видела, как она смотрела на царапину, быстро, вскользь и в этом взгляде не было ни сожаления, ни вины.

Было удовлетворение.

Крохотное, едва заметное. Но я видела.

***

Я встала, подошла к окну. Двор внизу жил своей жизнью, машины, припаркованные вдоль дома, фонари, человек с зонтом, поздно возвращающийся домой. Может на работе задержался, а может был на свидании.

Думать о Милане было похоже на то, как трогаешь больной зуб языком, не потому что хочешь боли, а потому что не можешь остановиться.

Она всегда умела выбрать момент.

Это её отличительная черта, не горячность, не порыв, а расчёт. Терпеливый, почти хищный. Милана никогда не действовала сгоряча. Она смотрела, ждала и ударяла именно тогда, когда ты меньше всего ожидал.

В восьмом классе она рассказала Вике Соколовой, первой красавице из параллельного класса и предмету обожания всей школы, что Рита Горина нарисовала её карикатуру в тетради и написала под ней «корова». Никакой карикатуры не существовало. Но Милана умела рассказывать так убедительно, с такими точными деталями - «серая тетрадь, обёрнутая в газету, она

её прячет под учебником алгебры» - что Вика поверила. Я неделю ходила под этим облаком, косые взгляды, перешёптывания в спину, прежде чем разобралась, откуда ветер дует.

Когда я спросила Милану напрямую, она посмотрела на меня с таким искренним недоумением, что я на секунду усомнилась в собственном разуме.

- Рит, ты серьёзно думаешь, что я способна на такое? - сказала она тогда. - Мы же сёстры. Тебе все врут, не верь им.

Именно так она и говорила всегда. Мы же сёстры. Как щит. Как отмычка. Как способ закрыть разговор прежде, чем он дойдёт до сути.

Я умела злиться, но быстро отходила. Это моя беда, если честно. Мне всегда было проще отпустить, чем держаться за обиду. Мама говорила, что у меня отцовский характер: вспылю и уже через час протягиваю руку. Костя называл это слабостью. Лена называла это достоинством. Я сама до сих пор не знаю, кто из них прав.

Может быть, и он и она.

***

Была история, которую я не любила вспоминать. Давняя, почти забытая, занесённая пылью лет, но сейчас, в этой кухне с осколками любимой чашки на полу, она всплыла сама, чётко и безжалостно, как всплывает всё вытесненное именно тогда, когда ты не в силах противится воспоминаниям.

Мне было двадцать три.

Я работала в небольшой рекламной компании, только начинала, голодная до работы, амбициозная, готовая пахать сутками. Там был Андрей. Мы встречались три месяца, осторожно, нерешительно, как встречаются люди, которые оба боятся спугнуть что-то хрупкое, ходили вместе обедать, были несколько раз в кино. Он мне нравился. По-настоящему.

Однажды я пригласила его к нам домой. Семейный ужин, ничего особенного, хотела познакомить его с родителями.

Милана вернулась домой в тот день позже всех, в середине ужина, накануне она была на какой-то вечеринке и смогла добраться домой только ближе к вечеру следующего дня. Ввалилась в гостиную, распространяя запах сладких духов и лёгкого хаоса. Села за стол, улыбнулась Андрею широко, тепло и сказала:

- Ой, Рит, ты не говорила, что у тебя такой симпатичный друг.

Я тогда не обратила внимания на её слова.

На следующий день, я подошла к Андрею, чтобы пойти вместе пообедать, но он сослался на срочные дела и сказал, что уезжает вечером в командировку, так что видеться не сможем несколько дней. И пропал. Я звонила ему много раз, но он не брал трубку, писала, но он не отвечал на мои сообщения. Я места себе не находила от тревоги за него. Что только я себе не вообразила тогда. «Может он заболел. Попал в аварию и не может ответить, лежит в больнице без сознания и прочее». А оказалось всё банально и просто.

Он позвонил через три дня и сказал, что мы не подходим друг другу. Говорил долго, виновато, с ненужными объяснениями, которые ничего не объясняли. Потом, спустя месяц, через общих знакомых я узнала, что он начал встречаться с Миланой.

Они расстались через три месяца. Конечно.

Милане не нужен был Андрей. Ей нужно было то, что у неё не было, но было у меня. С детства у сестры было, что-то похожее на потребность сдвинуть фигуру с чужой доски, потому что она стоит не на её месте, а на твоём.

Я тогда плакала. Долго, некрасиво, в подушку. А потом встала, умылась и пошла работать. Потому что иначе не умею.

Это тоже часть моего характера: я не умею лежать в руинах. Что-то внутри всегда поднимает меня раньше, чем я этого хочу. Не сила, скорее упрямство. Такое тихое, не героическое упрямство человека, который просто не представляет себе другого способа выжить.

После тех событий, я приняла решение жить отдельно и сняла комнату в квартире недалеко от моей работы. Мама недоумевала, почему я вдруг «сбегаю» из дома и спрашивала:

- Рита, что за блажь пришла тебе в голову? Тебе разве дома плохо живётся?

Я отделалась банальными фразами, что хочу жить самостоятельно, мама долго ворчала, что мол дочь не ценит родительской любви. Папа, молча поддержал меня, видимо понял, что дело не в желании жить самостоятельно, а причина моего решения кроется гораздо глубже.

Так сложилось, что папа всегда был на моей стороне, а мама на стороне Миланы. Нет, они безусловно нас любили одинаково, но сестра всегда после наших ссор первой бежала к маме и так преподносила историю, что мама ей безоговорочно верила, так что мои оправдания ни к чему не приводили, она только качала головой, приговаривая: «Рита, вы же сёстры, нужно любить друг друга и поддерживать во всём. Прекрати ссорится с Миланой». А папа…, он с самого нашего детства понял натуру Миланы и относился к словам сестры критически.

В тот раз, я про поступок сестры ничего родителям не рассказала. Собрала вещи, папа помог отвезти их на квартиру и у меня началась новая жизнь.

ГЛАВА 4

Встав со стула, я взяла щётку и совок под раковиной, собрала осколки. Высыпала в мусорное ведро.

Поставила чайник. Просто чтобы сделать хоть что-то, что имеет начало и конец. Включила, дождалась, когда закипит. Налила воду в кружку, бросила пакетик. Обхватила её ладонями - горячая, почти обжигает и застыла так.

Три месяца.

Я думала о Милане и о том, как она вошла в мою жизнь снова - не через парадную дверь, не с объяснениями и не с просьбами. Как всегда. Через щель, которую я сама проглядела.

Я не понимала её. Никогда не понимала по-настоящему. Понимала умом, через факты, через поступки, через то, что оставалось после неё, как пепел после огня. Но внутри, нет. Потому что я не умею вот так. Не умею выбирать человека в прицел и терпеливо ждать момента, чтобы нанести удар.

Я смотрела в окно на дождь, на мокрый асфальт, на жёлтые круги фонарей. Держала горячую кружку в ладонях. И позволила себе просто дышать, медленно, неровно, как дышит человек, которому только что дали под дых и который ещё не решил, как на это ответить.

Анютка слава богу у свекрови. Завтра я заберу её и отвезу к своим родителям. Пусть некоторое время поживёт у них, а мне надо разобраться со своей жизнью. Развод с Костей, Милана. Надо обязательно рассказать папе с мамой, что она вернулась. Отец быстро найдёт на неё управу и придумает, как избавится от неё.

Милана сказала, дочка не знает о ней. Вот и отлично! Я сделаю всё, чтобы Анютка никогда с ней не встретилась.

Я встала из-за стола, вылила недопитый чай в раковину.

Надо идти спать.

Эта мысль была простой и единственной, которую я смогла додумать до конца. Не «что делать дальше». Не «как всё это случилось». Не «что будет с нами». Просто - надо идти спать, потому что завтра утром нужно быть человеком, а не развалиной.

Я выключила свет в кухне. Прошла по тёмному коридору в спальню, разделась в темноте. Легла.

Потолок был белым и неподвижным.

Я смотрела на него.

Сон не шёл. Это было ожидаемо, но всё равно злило бессилие тела, лежать без мыслей, дать себе несколько часов тишины. Голова работала на полных оборотах, и чем сильнее я пыталась их остановить, тем громче становился внутренний гул.

Я перевернулась на бок.

Укуталась в одеяло с головой.

Закрыла глаза.

И тогда, не сразу, а исподволь, как всегда, бывает в темноте, когда нечем заняться, нахлынули воспоминания.

***

Мне было двадцать восемь лет, и я только что уволилась.

Не потому, что мало платили, не устраивала должность и не потому, что не справилась с работой. Напротив, справилась слишком хорошо, и я поняла, расти здесь больше некуда. Три года в рекламном агентстве, от ассистента до руководителя проектов и ощущение стеклянного потолка над головой, о который я упиралась всё настойчивее каждым месяцем.

Я ушла в никуда. Лена тогда крутила пальцем у виска.

- Рит, ты сумасшедшая, - говорила она, сидя напротив меня в кафе с чашкой капучино. - Уйти без оффера на руках. Это безумие.

- Я найду работу, - отвечала я.

- Откуда такая уверенность?

- Не знаю, - я пожала плечами. - Просто чувствую, что найду работу по душе и гораздо интереснее.

- Ты же знаешь, что на днях я открываю галерею, давай ко мне, администратором. Много платить не смогу, но хоть что-то.

- Нет, Лен. Я хочу строить карьеру по профессии.

- Ну как знаешь. Моё предложение всегда в силе.

- Спасибо. Я знаю. Ты самая лучшая подруга на свете!

Лена посмотрела на меня с тем выражением, с каким смотрят на человека, который прыгает с моста и который искренне верит, что полетит.

Я не летела. Я падала. Три месяца, пока искала работу, раз за разом проходила собеседования, получала вежливые отказы или предложения, которые были хуже того, что я только что оставила. Деньги, отложенные на отпуск, заканчивались. Самоуверенность таяла вместе с ними. По ночам я лежала в темноте и думала: может, я ошиблась. Может, надо было остаться. Может, стеклянный потолок лучше, чем пустота под ногами.

Именно тогда, на одном из собеседований, я встретила Костю.

Он проводил его.

Это была крупная консалтинговая компания, я пришла на позицию директора по маркетингу, нервничала больше, чем обычно, слишком долго искала, слишком много отказов осело внутри мелкими занозами. Меня провели в переговорную, и я сидела у окна, перекладывала папку с бумагами с места на место, смотрела на улицу, пыталась дышать ровно.

Он вошёл в переговорную, быстрым шагом, на ходу просматривая что-то в телефоне, потом убрал телефон в карман, поднял голову и посмотрел на меня. Пауза - секунды полторы, не больше.

- Добрый день. Маргарита Александровна Горина?

- Да.

Он протянул руку.

- Константин Николаевич Вершинин.

Он сел напротив, открыл мою папку с резюме:

- Итак, три года в «Медиасфере», до этого «Арт-проект». Вы уходили по собственной инициативе?

- Да.

- Почему?

Я смотрела на него и думала, что надо ответить правильно, взвешивая каждое слово, сказать про «желание развиваться» и «новые горизонты». Все так отвечают. Это ожидаемо и логично.

Но вместо этого я сказала:

- Потому что я упёрлась в потолок. Я сделала всё, что могла сделать на той позиции, и мне стало тесно. Я понимаю, что это звучит самонадеянно, но это правда.

Пауза.

Он смотрел на меня ровно, без улыбки.

- Значит, вы ушли на перспективу?

- Да.

- Три месяца назад?

- Да.

- Не страшно было?

Я чуть помедлила.

- Страшно, - сказала я честно. - Но я не умею иначе. Мне там стало тесно.

Что-то в его лице изменилось. Едва заметно, не улыбка, но что-то похожее. Он снова посмотрел в резюме, перевернул страницу. Задал ещё несколько профессиональных вопросов. Говорили минут двадцать, и постепенно нервозность куда-то ушла. Я рассказывала о себе, о своём видении в профессии и должности. Про мои ожидания на новом месте и прочее в том же духе.

В конце он закрыл папку и сказал:

- Я свяжусь с вами в течение недели.

- Хорошо.

- Вы сейчас рассматриваете другие предложения?

- Да, - ответила я, - но ни одно из них мне не нравится так, как это.

Снова пауза. Снова это едва заметное изменение в лице.

- Спасибо за честность, - сказал он.

Мы оба встали одновременно. Он протянул руку, я пожала её и вышла.

На улице остановилась. Вдохнула холодный воздух. Достала телефон, написала Лене: «Кажется, всё прошло хорошо».

Лена ответила через полминуты: «Ты каждый раз так говоришь. Может ко мне в галерею всё же? Администратором».

«Нет. Какой из меня администратор! Целую!»

Я убрала телефон. Усмехнулась.

ГЛАВА 5

Он позвонил через три дня.

Быстрее, чем я ожидала. Уже в понедельник я вышла на работу, быстро влилась в коллектив, подхватила текущие проекты.

Костя был моим непосредственным руководителем.

Первые два месяца, нас связывала только работа. Ни намёка, ни двусмысленности, ни той особой атмосферы, которую иногда чувствуешь, когда интерес выходит за рамки профессионального. Даже думала: мне показалось. Просто я понравилась ему, как будущий сотрудник и ничего больше.

Но потом был корпоратив, мы удачно сдали большой проект и руководство решило устроить праздник для всей команды. Праздновали в небольшом ресторане, с приглушённым светом и с выступлением музыкантов в живую. Мы с Костей столкнулись у барной стойки, одновременно потянулись за бокалами и задели друг друга локтями.

Он улыбнулся.

- Извините.

- Всё хорошо, - сказала я.

Взяв бокалы, мы отошли от стойки и перешли в конец зала там музыка звучала не так громко и можно было поговорить не перекрикивая друг друга.

Он посмотрел на мой бокал.

Пауза. Не неловкая.

- Вам нравится здесь? - спросил он наконец.

Я поняла, что он имеет в виду не ресторан.

- Да, - ответила я. - Я не ожидала, что так быстро освоюсь на новом месте.

- Я ожидал, - сказал он просто.

Я посмотрела на него.

- Ещё на собеседовании?

- Ещё на собеседовании.

- Почему?

Он чуть помедлил. Отпил из бокала, потом сказал:

- Вы сказали «мне стало тесно». Большинство людей говорят «я хочу развиваться». Это разные вещи, если вдуматься.

Я не нашлась, что на это ему ответить. Просто смотрела на него, на его профиль, обращённый к залу, на спокойную уверенность, с которой он держал бокал в руке и думала: «Я не ошиблась, когда три месяца назад ушла в никуда».

- Вы всегда так слушаете? - спросила я.

Он повернул голову.

- Как?

- Между строк.

Снова эта едва заметная перемена в лице. Не улыбка. Что-то тоньше.

- Стараюсь, - сказал он.

***

После этого вечера что-то изменилось. Не резко, не вдруг, а так, как меняется температура воздуха в комнате, когда кто-то приоткрывает окно. Ты не замечаешь момента, но вдруг понимаешь, по-другому дышится.

Я была осторожна. Говорила себе: это просто приятный человек, просто коллега, просто твой начальник, перестань. У меня был уже опыт увлечений коллегой, ничем хорошим это не закончилось, осталась неловкость и испорченные отношения с человеком, с которым ещё предстояло работать вместе.

Но Костя не торопил. Он вообще не делал ничего очевидного. Иногда задерживался в дверях переговорной после общего совещания или приносил кофе, просто ставил стакан на мой стол, когда заходил обсудить проект, и молча уходил.

В один из дней, мы засиделись допоздна. Декабрь, за окном валил снег, офис постепенно пустел, а мы всё сидели в переговорной над квартальным отчётом. Я с ноутбуком, он с распечатками, и что-то никак не сходилось в цифрах на третьей странице.

- Вот здесь, - я показала карандашом в экран, - смотрите. Они посчитали конверсию от общей аудитории, а надо от целевой. Всё съехало.

Он наклонился к экрану. Его плечо почти коснулось моего плеча.

Я почувствовала это физически, но не отодвинулась и заставила себя смотреть в экран ноутбука.

- Точно, - сказал он. - Хорошо, что вы заметили ошибку до предоставления отчёта руководству.

Я посмотрела на него.

- Главное, что вовремя заметили и успели исправить.

- Вы хоть что-то ели сегодня? – вдруг спросил он.

Я открыла рот. Закрыла. Вспомнила: бутерброд в половине первого. С тех пор только кофе.

- Вы ели? - повторил он.

- Нет, работы навалилось и про обед я, честно говоря, забыла. - призналась я.

Он закрыл папку с распечатками.

- Тогда закрывайте ноутбук. Отчёт подождёт до утра, завтра утром, я внесу последние правки..., тем более что он стал на порядок лучше после ваших исправлений. Я знаю неподалёку неплохой ресторан, поехали ужинать.

- Мне неудобно вас напрягать. – ответила я. – Я поеду домой и там, что-нибудь себе приготовлю.

- Вас дома кто-то ждёт?

- Нет.

- Тогда поехали. Потом я отвезу вас домой.

***

Ресторан небольшой, итальянский, с жёлтым светом и деревянными столиками. Зал был почти полным, несмотря на поздний час. Нас посадили у окна. За стеклом шёл снег, укладывался на подоконник белыми горизонтальными полосами.

Мы говорили долго.

Сначала, про работу. Про отрасль, про тенденции, про то, куда всё движется. Это было легко и привычно, как разминка перед совещанием. Потом, незаметно, разговор съехал в другую сторону, про книги, про города, про то, что он год жил в Берлине и сказал, что жизнь там изменила его восприятие пространства. Говорил в основном Костя, я только слушала, изредка вставляя подходящие реплики и задавала уточняющие вопросы.

Поужинав, мы вышли из ресторана в половине двенадцатого. На улице было холодно и бело, снег всё шёл, а город вокруг стал тихим и сонным. Мы стояли у входа ресторана, я достала телефон, чтобы вызвать такси.

- Я отвезу, - сказал Костя.

- Не нужно, я вызову...

- Маргарита, я же сказал, что отвезу вас.

Я убрала телефон.

- Хорошо, - сказала я.

Мы шли к его машине, и снег скрипел под ногами, и фонари отбрасывали на белый асфальт янтарные круги. Я думала при этом: мы просто коллеги, просто ужин, просто вежливость. Я убеждала себя в этом старательно и не очень успешно.

В машине было тепло. Он завёл двигатель, потом повернулся ко мне.

- Вам понравился ресторан, ужин?

- Да. Очень уютный и кормят вкусно.

Всю дорогу мы говорили о пустяках, про снег, про то, как меняется город зимой, про какой-то фильм, название которого я сейчас уже не вспомню. Я смотрела в окно и думала о том, что надо быть осторожнее. Что этот ужин ничего не значит. Что у него, может быть, есть кто-то. Что я вообще не знаю о нём ничего, кроме профессиональных компетенций и того, что он год прожил в Берлине.

Костя остановил машину у моего подъезда.

- Спасибо за ужин, - сказала я.

- Не за что.

Я взялась за ручку двери, и он сказал вдогонку, негромко, почти небрежно:

- Маргарита.

Я обернулась.

- И вам спасибо за ужин, - сказал он. - Мне тоже очень понравилось, и мы обязательно повторим.

Я кивнула, вышла из машины, аккуратно закрыв дверцу. Быстро зашла в подъезд, поднялась на свой этаж.

Уже находясь в квартире, не включая свет, разулась, повесила пальто и стараясь не шуметь, боясь разбудить соседку, прошла в свою комнату, разделась и легла в кровать.

Лежала, глядя в потолок и улыбалась, сама не зная чему.

***

Лёжа сейчас в темноте, я думала о том вечере с той острой, почти физической тоской, с которой смотришь на старую фотографию и знаешь, что момент, запечатлённый на ней, больше никогда не повторится. Не потому, что время ушло. А потому что человек на фотографии уже не тот.

Мы оба изменились.

Или, может быть, я просто наконец увидела то, что было всегда и раньше мне не хотелось видеть очевидного. Потому что так было удобно.

Потому что удобство - это такой тихий наркотик. Принимаешь каждый день, по чуть-чуть, и не замечаешь, как перестаёшь чувствовать боль. И тревогу. И голос, который звучит где-то на подкорках сознания.

Негромко.

Настойчиво.

Я перевернулась на другой бок, закрыла глаза.

И сказала себе только одно: «Я обо всё подумаю завтра.» и провалилась в тревожный сон.

ГЛАВА 6

Проснулась я в половине шестого. Точнее не проснулась, а просто открыла глаза и уставилась в темноту. Полежав несколько минут, поняла, что сна больше не будет и надо вставать.

Огромным усилием воли заставила себя встать с кровати и направилась в ванную. Сегодня, душ я принимала дольше обычного. Стояла под горячей водой, опираясь руками о стеклянную стену душевой кабинки и ни о чём не думала. Пар поднимался к потолку, стёкла кабины запотели, и весь мир за ними стал размытым.

Затем выключив горячую воду, до упора вывернула кран с холодной водой.

Стояла под струями ледяной воды, трясясь от холода, считая про себя до ста. Наконец, выключила воду, взяла полотенце и резкими движениями, с силой растёрла всё тело.

Зеркало над раковиной запотело целиком. Я не стала его протирать, постояла минуту напротив молочно-белой поверхности, в которой угадывался только силуэт, размытый, без лица, и подумала, что вот так же сейчас выглядит моя жизнь, неопределённой и размытой.

Продолжая смотреть в зеркало, всё же провела ладонью по стеклу и посмотрела на себя. Лицо бледное, с синеватыми тенями под глазами и поджатыми губами с горькой складкой у рта. Всего один вечер и такая кардинальная перемена во внешности.

Я надела халат и пошла в кухню.

Поставила турку на огонь, стояла рядом и смотрела на неё, пока не появилась первая пенка, выключила в последний момент, не дав кофе убежать. Перелила в кружку и стоя у окна, сделала первый глоток.

Серое октябрьское утро. Двор внизу почти пустой, только дворник с метлой гонял по асфальту мокрые листья, собирая их в бесполезные кучи, которые тут же расползались от влаги. Над крышами висело низкое небо, плотное, без просветов.

Я пила кофе, медленно, маленькими глотками.

Внутри было странное чувство, не пустота и не отчаяние, а какое-то... неопределённое, что ли. Так бывает, когда событие уже произошло, но ещё не знаешь, чем для тебя оно обер-

нётся, и ты живёшь в этом промежутке, в странной пузырьковой тишине между «было» и «будет».

Я вспоминала события вчерашнего вечера, в который раз прокручивая их в голове, анализировала, планировала свои дальнейшие действия. Мысли скакали, словно блохи, мешая сосредоточится. Наконец в голове сформировался план моих действий на ближайшие несколько дней.

Сделала ещё глоток кофе, посмотрела на часы. Половина седьмого, уже можно позвонить папе, он рано встаёт. Необходимо поставить его в известность, что в ближайшую неделю меня не будет на работе, возьму отпуск за свой счёт и предупредить, что привезу дочку к ним на некоторое время.

Снова посмотрела на часы. Необходимо, как можно быстрее забрать Анюту от свекрови, благо ехать недалеко, но сначала, звонок отцу.

Взяла телефон со стола и нажала вызов: «Папа»

«Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети», сообщил равнодушный голос.

Я посмотрела на экран телефона, нажала вызов ещё раз, тот же результат. Нахмурилась. Странно! Папа всегда на связи, он принципиально не отключает телефон все двадцать четыре часа, семь дней в неделю.

Я набрала мамин номер.

Она ответила после второго гудка.

- Рита? - мамин голос был бодрым. - Ты что так рано звонишь? Всё хорошо?

- Привет, мам. Я папе звоню, он недоступен. Его телефон выключен. Что случилось?

- Рита, ну конечно он недоступен, - в маминых словах прозвучало что-то похожее на лёгкое раздражение. - Он уже два часа, как летит в самолёте. Дочка, ты что, забыла? Папа ещё на прошлой неделе, когда вы с ним вместе заехали к нам за документами, сказал за обедом, что улетает в Китай на неделю.

«Да, видимо события вчерашнего дня, ударили по мне сильнее, чем я думала, вот, уже и про командировку отца забыла».

На прошлой неделе, мне срочно понадобились документы, которые папа брал, чтобы на выходных поработать дома, а в понедельник забыл их привезти обратно. Они остались в квартире, в его кабинете, запертые в сейфе. Так как в этот день отец не планировал после двух часов возвращаться в офис, мне пришлось поехать с ним, чтобы забрать их. Мама настояла, чтобы я осталась на обед, тогда-то папа и рассказал мне про командировку. В подробности не вдавался, сказал, надо съездить, если всё пройдёт удачно, то наша компания получит выгодный контракт.

- Точно. В Шанхай! Совсем вылетело из головы.

- Ну да. Командировка, в Шанхай. «Вылетело из головы». Рита…, - мама выдохнула с той интонацией, которая означала: «я ничего не такого не имею в виду, но ты же понимаешь, что я о тебе думаю». - Так чего ты звонишь в такую рань?

- По работе вопрос. Я позвоню папе вечером.

- С Шанхаем разница во времени пять часов. Ты ему лучше напиши сообщение и как только он будет на связи, сам перезвонит тебе.

- Хорошая идея, так и сделаю. – ответила я. – Мам, у меня просьба к тебе…,

Я сделала паузу, не зная, как начать разговор.

- Рита, у тебя точно всё хорошо? Голос у тебя какой-то...

- Рано встала, плохо спала ночью, поэтому не выспалась. Мам, я собираюсь взять отпуск на несколько дней, хочу привезти к вам Аню пожить всё это время. Ты не против?

Пауза.

- Привезти Аню? - переспросила мама и мне послышались в её интонации, нотки в которых звучала паника, а может показалось. - Рита, у вас с Костей что-то случилось? Вы поссорились?

- Да, мама, поссорились. Я хочу, чтобы дочка побыла у вас с папой, пока я разберусь со своими делами.

- Давай рассказывай, что случилось? – потребовала мама. – Иначе я себе место не найду от переживаний.

- Мама, я приеду и всё тебе расскажу. Обещаю! Это не телефонный разговор.

- Хорошо буду ждать, приезжай, я целый день дома.

- Так ты не против, если Анютка поживёт у вас некоторое время?

- Господи! Рита! Нет, конечно. Привози внучку, я буду только рада, папы не будет неделю, мне всё равно заняться нечем, а с Анютой будет веселее. Только в садик я не смогу её возить. Далеко.

- И не надо. Я в саду напишу заявление, так что никаких проблем не будет.

- Отлично. Во сколько вас ждать?

- Где-то через два часа, сейчас поеду, заберу её от свекрови и сразу к тебе.

- Договорились. Я пока приготовлю что-нибудь вкусненькое.

- Спасибо, мама.

- Не за что, дорогая. Ты всегда можешь на меня рассчитывать.

Я отключилась, нашла контакт свекрови, нажала вызов.

- Доброе утро, Рита! – ответила свекровь после третьего гудка.

- Тамара Ильинична, доброе утро. Хочу приехать в ближайший час, забрать Анечку. Дочка проснулась уже?

- Да, уже позавтракала. Приезжай скорее. Я сама хотела тебе звонить, просить, чтобы ты приехала забрала ребёнка, но ты опередила меня. Мне в поликлинику надо, давно записалась к врачу, а к нему не так-то просто попасть, я даже нервничать начала. Костя, вчера, когда привёз девочку, сказал, что заберёт её в семь тридцать утра и отвезёт в садик. Звоню ему, трубку не берёт. Рита, что у вас происходит?

- Выезжаю. – проигнорировала я вопрос свекрови и отключилась.

Быстро оделась и вышла из квартиры. Подошла к машине, села за руль и завела двигатель.

Неспеша выехала со двора и направилась в сторону дома свекрови. На светофоре, поворачивая на другую улицу внезапно почувствовала удар, не сильный, но чувствительный. От резкого толчка я качнулась вперёд, грудью на руль и уткнулась лицом в подушку безопасности.

Несколько секунд я не двигалась, только слышала, собственное дыхание, частое, резкое, и тихое шипение сработавшей подушки безопасности. Сигнал чьей-то машины. Далёкий голос. Шум шин по мокрому асфальту.

Быстрые шаги. Кто-то бежал в мою сторону.

Дверца со стороны водителя дёрнулась раз, другой. Потом распахнулась.

- Девушка, вы в порядке?

Мужской голос. Низкий, хрипловатый, с интонациями человека, который не теряет головы при нестандартных ситуациях. Он доносился как будто издалека, глухо, словно сквозь вату.

Я подняла голову, она раскалывалась от боли, в ушах звон, щека горела огнём. Провела по ней ладонью, затем посмотрела, рука была в крови.

Мужчина стоял у открытой дверцы и смотрел на меня. Лет тридцать пять, может чуть больше. Тёмное пальто, верхняя пуговица расстёгнута. Чёрные волосы, мокрые от дождя. Взгляд, сосредоточенный, внимательный.

- Всё в порядке. - с трудом ответила я, потому что в горле пересохло.

- С ума сойти! - мужчина отступил на шаг от машины, хищно прищурив глаза. - Кого я вижу! Вот так неожиданная встреча! «На ловца и зверь бежит».

Я опешила от столь резкой перемены в поведении незнакомца.

- Мужчина, вы о чём? - спросила я, от шока всё ещё плохо соображая.

- Не прикидывайся дурой и не делай вид, что в первый раз меня видишь. – зло прошипел он. - Действительно, правду люди говорят: «Земля круглая…» Что же ты «любимая», сбежала от меня, ничего не сказав и подставила меня перед партнёрами? Я три месяца места себе не находил. Страдал, скучал, потому всё бросил и поехал тебя искать. И смотри как ты! Нашёл! – продолжал он противным злым голосом.

Затем его тон резко изменился и он продолжил:

- Выходи! Подождём сотрудников ДПС в моей машине, не то опять сбежишь, а мне надоело тебя искать. У меня, «любимая», куча претензий к тебе и накопилось много вопросов. Самое время тебе на них ответить.

И он, схватив меня за руку, дёрнул так, что я вывалилась из машины, прямо на асфальт. Взявшись за воротник моего пальто, он резким движением поднял меня, словно я ничего не весила, поставил на ноги и поволок к своему автомобилю.

Я, всё ещё не придя в себя, по-прежнему пребывая в шоке, не смогла оказать ему сопротивления и покорно шла с ним, не в силах произнести ни слова.

- Давай садись в мою машину, гадина. – он с силой усадил меня на переднее пассажирское сидение, повернулся ко мне. – Милана, неужели ты думала, что я тебя не найду?

ГЛАВА 7

Я смотрела на него, собираясь с мыслями, чтобы объяснить: «произошла ошибка, что я не она». Повернулась к нему и только открыла рот, собираясь сказать, как он, не дав мне произнести ни слова, внезапно, схватил меня за волосы, сильно дёрнул, приблизил моё лицо к своему и прошипел:

- Значит, молчишь! Где флешка? Я притащился в этот город, проехав две тысячи километров, чтобы найти тебя и вернуть своё и не рассчитывай, что сможешь от меня сбежать и просто так отделаться. Гони, что украла и я обещаю, пальцем тебя не трону, продолжишь жить как жила. Ну, говори! – он замахнулся рукой, сжав её в кулак для удара.

Я сжалась от страха и закричала:

- Разуй глаза, придурок! Я не Милана.

Он замер.

Рука с занесённым для удара кулаком остановилась в воздухе, в сантиметре от моей скулы, зависла в этой нелепой неподвижности, как стоп-кадр в плохом кино.

Несколько секунд, он смотрел на меня, в его глазах отражалось моё лицо.

- Ты меня совсем за идиота держишь? - зло спросил он, но кулак опустил. – Придумай что-нибудь более правдоподобное.

- Да что же это такое! - с досадой ответила я, и открыв сумочку, протянула ему свои права. - Смотри, Вершинина Маргарита Александровна.

- Ты врёшь, - сказал он, рассматривая документ. - Что я, не узнаю бабу, с которой спал два года?

- Милана, моя сестра, мы близнецы.

Он смотрел на права ещё несколько секунд, затем поднял взгляд на меня. Сверил. Снова посмотрел в документ и вернул их мне.

Выражение его лица изменилось, гримаса злости сменила растерянность.

- Близнец, - повторил он задумчиво. – Да, она говорила, что у неё есть сестра, но о том, что вы близнецы, умолчала.

- Да, мы сёстры, - сказала я. - А теперь разблокируй двери, я пойду в свою машину, ждать полицию и ещё, - я достала телефон. – Мне срочно нужно позвонить.

Он быстрым движением вырвал телефон из моих рук, откинулся назад, на спинку водительского сидения и сказал:

- Ты никуда не пойдёшь и звонить никому не будешь.

- Что ты сказал?

- Ты никуда не пойдёшь, пока не скажешь, где твоя сестра.

- Я понятия не имею, где она. – ответила я.

Он пристально посмотрел на меня.

- Вы сёстры, ещё и близнецы, значит одно целое, так все говорят про таких, как вы. И пока ты мне не скажешь, где она, ты будешь находиться со мной. Ну…, - он снова повернулся ко мне. – Так, где эта дрянь?

- Понятия не имею, честно, - сказала я. – Мы пять лет не общаемся. Отдай мой телефон, мне нужно позвонить подруге. Попрошу её забрать дочь от свекрови и отвезти к моей маме. Я вообще-то за ребёнком ехала, свекровь ждёт, ей к врачу надо.

- Так ты ещё и замужем и ребёнок есть. Чудно! На, звони, но только попробуй позвонить Милане и предупредить её. – он протянул мой телефон и сурово посмотрел на меня. – В общем, мало тебе не покажется…, лучше не зли меня, и включи на громкую связь, чтобы я слышал разговор.

- Я не знаю номер Миланы и не знаю, где она может быть. – ответила я, схватила телефон, быстро нашла в контактах «Лена» и нажала на вызов.

Подруга ответила сонным голосом после пятого гудка:

- Ритка, что случилось?

- Лен, я попала в ДТП, жду сотрудников ДПС…

- Господи! С тобой всё в порядке? – подруга сразу же проснулась.

- Да, всё нормально. – успокоила я её. – Лен, съезди пожалуйста к Тамаре Ильиничне, забери Анютку и завези к моей маме. Я как только освобожусь сразу туда приеду.

- Хорошо, только предупреди свекровь, что вместо тебя приеду я. Сейчас оденусь и через десять минут выезжаю.

- Спасибо, Лен. Ты очень меня выручаешь.

- Не за что. Потом мне всё расскажешь.

- Обязательно, у меня много, что есть рассказать. Всё, пока.

Я отключилась и набрала номер свекрови:

- Тамара Ильинична, - сказала я, как только свекровь ответила. – Я не смогу приехать, вместо меня приедет моя подруга Лена, примерно через час. Отпустите Аню с ней.

- Хорошо, Рита, буду ждать.

Я отключилась и открыла сумочку, собираясь убрать телефон, как он снова выхватил его у меня и положил в карман своего пальто.

- Побудет пока у меня. – нагло произнёс он. – Мы с тобой ещё не закончили разговор.

Я глубоко вдохнула и собралась с возмущением высказать ему всё, что я о нём думаю и в этот момент за окном вспыхнул синий проблеск сигнала.

Мы оба уставились в окно машины.

Патрульная машина остановилась в трёх метрах от нас. Двери открылись, двое сотрудников вышли из машины, и направились к месту аварии: из машины, которая уткнулась передним бампером в заднюю дверцу моего автомобиля, вышел водитель и подошёл к одному из инспекторов, что-то начал говорить им, яростно жестикулируя обеими руками, показывая в сторону машины, в которой сидели мы.

Один из инспекторов посмотрел в нашу сторону и направился к нам.

Незнакомец, посмотрел на меня, щёлкнул замком, заблокировав дверь с моей стороны и открыл свою, собираясь выйти из машины. Я даже не успела понять, что происходит, его движения были быстрыми и точными. Он всё это проделал быстро и без слов.

- Что ты де... - начала я.

- Жди здесь, - перебил он. – И без глупостей.

Вышел из машины и направился к мужчинам.

Я дёрнула ручку дверцы.

Заперто.

Несколько секунд я тупо смотрела на неё, затем, встала на колени на заднее сиденье, дотянулась до ручки задней дверцы. Закрыто. Нажала кнопку стекло подъёмника, тоже не работает. Села обратно и уставилась в окно.

Мужчины стояли рядом с сотрудниками ДПС, лицом ко мне и о чём-то спорили. Незнакомец, рукой указал на заднюю дверцу моего автомобиля, затем жестом показал на светофор, потом на дорогу. Водитель, въехавший в меня, стоял опустив голову и что-то бубнил, но всё же не нашёл понимания у инспекторов, махнул рукой и сел обратно в свою машину.

Один из инспекторов что-то сказал незнакомцу, тот ответил и направился в мою сторону, открыл дверцу машины и сказал:

- Давай права.

- Я сама разберусь, не надо...

- Быстро!

Я поняла, что спорить с ним бесполезно и протянула ему документ. Он молча захлопнул дверь и вернулся к полицейским. Затем они сели в машину с мигалками, и я увидела, что он на заднем сиденье, заполнял какие-то документы, а инспектор, то и дело пальцем, показывал, что и где писать.

Я сидела в машине и слушала, как дождь стучит по крыше машины.

Раз.

Два.

Три.

Думай, Рита. Думай.

Ситуация выглядела так, словно кто-то наверху решил устроить мне экзамен по всем предметам, за двадцать четыре часа. Измена мужа, возвращение сестры. ДТП. Незнакомец, который принял меня за Милану.

Я медленно выдохнула.

«Он не производит впечатление обиженного любовника, которого бросили и который хочет отомстить. Интересно, что за флешку стащила у него Милана? Сто процентов, на ней что-то важное, раз он бросил всё, приехал из другого города, чтобы найти мою сестру. Как он сказал, ищет её три месяца»

Незнакомец вышел из машины ДПС, убрал что-то в карман пальто, посмотрел в сторону моей машины. Потом повернулся к инспектору, они обменялись ещё несколькими фразами.

Я не умею использовать людей, один из моих главных недостатков - не умею, не хочу, брезгую. Но сейчас ситуация была такой, что мои нравственные принципы выглядели как зонтик во время шторма на набережной.

«Одна, я могу не справится с Миланой и Костей. Мне нужен союзник. Незнакомец подходит для этого, как никто другой. На благородного рыцаря он, конечно, не похож, но и не производит впечатление законченного мерзавца. Ладно, посмотрим, что будет дальше. Про то, что я вчера застала Милану в постели с моим мужем, решила ему пока не говорить, придержу информацию до поры до времени».

Наконец дверь со стороны водителя открылась, и мужчина сел в машину, не сказав ни слова.

- Ну что там? – не выдержав, спросила я.

- В аварии ты не виновата, так что не бери в голову. У того мужика, всё страховка покроет, сейчас дождёмся эвакуатор и поедем в сервис.

- Ещё и это! – я тяжело вздохнула и схватилась за голову. – Осталась я без колёс...

- В ближайшее время они тебе не понадобятся. – прервал он мои стенания.

- Что ты имеешь в виду? – я с удивлением посмотрела на него.

- А то, что мы с тобой в ближайшее время будем неразлучными. Везде вместе. Я за тобой, как нитка за иголкой, куда ты, туда я. До тех пор, пока ты мне не скажешь, где твоя сестра или пока я её не найду.

- Ты с ума сошёл? У меня муж, дочь, работа в конце концов. Родители. Как ты себе это представляешь? И ещё раз повторяю, я понятия не имею, где Милана.

- Может ты правду говоришь, а может и нет. Твоя сестра, левая, при левая, как дешёвая водка, возможно, ты такая же и вы с ней заодно. Так что смирись с моим присутствием или говори, где твоя сестра.

- Послушай…, - я замолчала. – Как тебя зовут, неудобно, как-то разговаривать с человеком, не зная, как к нему обращаться.

- Алексей. – ответил он. – Ну так что? Ты скажешь, где искать твою сестру.

ГЛАВА 8

- Алексей, - повторила я, словно пробуя имя на вкус. - Красивое имя. Жаль, что носитель такой неприятный.

Он посмотрел на меня без всякого выражения.

- Пытаешься острить? Тебе не идёт. Так где Милана?

- Я уже ответила на этот вопрос.

- Я не верю тебе.

- Не знаю, - произнесла я чётко, по слогам. - Сказала же, мы не общаемся последние пять лет. Это ты с ней жил два года, должен был узнать её привычки и куда она могла бы поехать.

- Я прекрасно видел, что из себя представляет твоя сестра...

- Ты её любишь? – спросила я, сама не знаю зачем, какое мне в принципе дело до его чувств к моей сестре.

- Кого? – он посмотрел на меня в изумлении приподняв брови. – А…, нет, мне просто нравилось с ней трахаться.

Меня покоробила его грубая откровенность, и я почувствовала, как краснею от смущения. Алексей, посмотрел на меня и засмеялся, наконец успокоился и сказал:

- Забавно наблюдать, как ты краснеешь. Ты значит, целомудренная, а на Милане пробы ставить негде. Или нет? – он пристально посмотрел на меня. – Слушай, может ты в постели тоже огонь, как Милана? Давай попробуем.

- Идиот. – прошипела я.

- Да ладно, чего ты! Обещаю, тебе понравится. – в его глазах плясали маленькие чёртики и я поняла, что он просто меня подкалывает.

- Иди к чёрту. – ответила я и тоже улыбнулась.

- Точно, вспомнил. Ты замужем. Но, нежели что, я всегда готов.

- Что она натворила. – спросила я его, чтобы сменить тему.

- Флешку украла у меня с кодами от крипты. Мы праздновали мой день рождения, я перебрал, ну и, оставил дверцу сейфа открытой, уснул, а эта идиотка, схватила её из сейфа и дёру. Только не учла одного, пароли к кодам, у меня совсем в другом месте. Так что воспользоваться она ею не сможет. А мне через неделю, нужно передать флешку, серьёзным людям. Дали отсрочку, так называемые «партнёры».

- А зачем она так поступила? – недоумевая спросила я. – Чего ей не хватало. Она, хоть и мерзавка, но не дура. Какая ей выгода от тебя сбегать. Парень ты не бедный, судя по тачке.

- Я ей сказал, что мы разбегаемся. Надоела она мне. Слишком жадная, одни бабки на уме, завистливая, да и характер паршивый. – он сделал паузу. – Ты сказала, что вы не общаетесь пять лет. Почему?

Я посмотрела в окно на мокрый асфальт.

- Расскажу, как-нибудь, - ответила я.

- Ну как знаешь.

Пауза.

- Тогда может, прекратишь держать меня как заложницу и вернёшь мой телефон?

- Нет.

- Мотивируй.

- Потому что я нутром чую, выйти на твою сестру я смогу только через тебя.

- Её может и нет в городе. – сказала я. – Она могла уехать куда угодно, Россия большая и затеряться легко.

- Здесь она, в городе. Мне донесли, что видели её, только вот потеряли и не смогли вычислить, где она живёт. У родителей, - он посмотрел на меня. – она не появлялась. В приличных гостиницах, по своему паспорту она не регистрировалась. Скорее всего, сняла какую-нибудь халупу или номер в мотеле, где на отсутствие документов смотрят сквозь пальцы. Деньги у неё были, стащила у меня из сейфа триста тысяч…, рублей. - уточнил он. - Может ты её подруг знаешь? Ведь с кем-то она дружила, когда жила здесь и сейчас подалась к ним.

- Алексей, - я медленно выдохнула и продолжила. - Мы не общались пять лет. Пять. Да и в целом, все предыдущие годы, мы с ней не были близки, были скорее врагами, чем сёстрами. Я не знала её подруг и понятия не имею к кому она могла бы обратиться за помощью.

Он смотрел на меня. Долго. С той особой сосредоточенностью, с которой смотрят не на слова, а на то, что за словами.

- Почему? Ведь так не бывает. Родные люди, сёстры, ещё и близнецы.

Я открыла рот. Закрыла.

«Потому что она всё время меня подставляла, перед родителями и в школе, увела моего первого парня. Портила мои вещи, клеветала на меня перед общими знакомыми. Потому что она в роддоме отказалась от собственного ребёнка, благо папа вовремя успел и девочку не передали в дом малютки, он дал ей большие деньги, при условии, что она навсегда уедет из города и больше никогда не появится в нашей жизни и никогда не подойдёт к девочке», - думала я. - «Потому что всю жизнь она меня ненавидела».

Вслух же я сказала:

- Это не твоё дело.

Он не ответил. Смотрел на меня ещё секунду, потом отвернулся к окну.

Дождь не прекращался. Барабанил по крыше его машины, собирался лужами у бордюров, размывал радужные лужи на асфальте.

Мы сидели молча, каждый думал о своём. Эвакуатор появился через двадцать минут.

Оранжевые мигалки на крыше, тяжёлый рёв двигателя. Алексей вышел из машины, переговорил с водителем. Я смотрела в окно, как моя машина медленно заползает на платформу. Серебристая, с помятой задней дверцей.

Алексей вернулся, завёл двигатель.

- Едем в сервис, - сказал он и поехал следом за эвакуатором, насвистывая какую-то весёлую мелодию.

Я смотрела на его профиль. Высокий лоб, прямой нос. Красивый профиль. Моя сестра дура, что упустила такого парня.

Он покосился на меня.

- Ты чего так пристально смотришь? - спросил он насмешливо. – Неужели влюбилась!?

- Вот ещё! – фыркнула я. – Ты о себе слишком высокого мнения.

- Ну а чего, я не против, если влюбилась. – и он, повернувшись ко мне растянул губы в улыбке.

Я демонстративно отвернулась и уставилась в окно.

- Ладно, чего ты! Я пошутил.

Раздался звонок мобильного, звук доносился из кармана пальто Алексея. Он достал трубку: «Мама»

- Дай телефон, надо ответить. – протянула я руку.

- На громкой связи. – предупредил он и отдал мне мобильный.

Я ответила.

- Мама…,

- Рита, ты где? Лена приехала вместе с Анечкой, сказала, что ты попала в ДТП. Ты в порядке?

- Мам, я в порядке. Еду вслед за эвакуатором в сервис. Как освобожусь, сразу приеду.

- Хорошо. Ты точно в порядке?

- Да, мама. Надеюсь, скоро буду.

Я отключилась и быстро убрала телефон в сумочку, Алексей сделал движение, чтобы помешать мне, но я была на чеку и не дала ему снова отобрать его у меня.

- Алексей, прекрати. Мне могу позвонить с работы, папа, муж, да мало ли кто ещё.

- Ну ладно. – сказал он. – Но если ты свяжешься с Миланой и предупредишь её, то я…,

- Знаю, знаю! Мало мне не покажется. – закончила я продолжение фразы.

Он усмехнулся, но ничего не сказал.

«Отлично. Маленькая победа!», подумала я.

Сервисный центр находился в промышленном районе города, большой ангар, запах машинного масла и металла, несколько машин на подъёмниках.

Эвакуатор въехал на территорию в широко открытые ворота и остановился. Алексей подъехал вплотную к ним, и я прекрасно видела, что происходит внутри.

- Жди здесь, - сказал он, глуша двигатель.

- Опять, - сказала я. – Я тоже хочу знать, что с моей машиной.

- Я сам всё выясню и тебе расскажу. Зачем тебе знать подробности?

- Я уже устала сидеть. Хочу выйти, размять ноги.

Он посмотрел на меня с насмешкой.

- Я знаю более действенный способ их размять, подумай над моим предложением, оно, пока, в силе, - улыбаясь сказал он и вышел из машины, не дав мне возможности достойно ответить.

Я смотрела, как он вошёл в ангар, подошёл к мастеру, быстрым шагом, ровная спина, чёрное пальто. Мастер встретил его кивком, они оба подошли к моей машине. Алексей показал на дверцу, что-то сказал. Мастер почесал затылок и ответил, явно не то, что Алексей хотел услышать.

Я наблюдала за этой пантомимой и думала о том, что за последние несколько часов моя жизнь совершила крутой поворот, я уже перестала удивляться чему-либо. Это похоже на то, когда падаешь с лестницы: первые три ступени ещё успеваешь считать, потом просто летишь, и единственная задача, сгруппироваться, чтобы избежать переломов и отделаться минимальными травмами.

Он вернулся через десять минут, сел в машину, аккуратно закрыл дверцу.

- Машина будет готова через неделю, - сказал он. - Дверь надо выпрямить, плюс установка подушки безопасности, сигнальная фара. Ещё проведут диагностику, посмотрят, нет ли скрытых повреждений.

Я закрыла глаза на секунду.

- Так долго, - сказала я.

- Обещаю, всю эту неделю я буду твоим персональным водителем. Ты рада?

- «Безумно!» Вот уж счастье привалило.

Алексей завёл двигатель, и мы поехали в сторону центра.

- Куда ты меня везёшь? - я посмотрела на него.

- Домой к твоим родителям, - сказал он совершенно спокойно. - Ты же сама сказала ей, что скоро приедешь. Адрес я знаю, заодно, познакомлюсь с твоей мамой.

Я смотрела на него.

- Ты собираешься идти со мной в квартиру моих родителей?

- Да.

- Ты, как себе это представляешь? Я замужем! Что я скажу маме, кем тебя представлю?

- Кем угодно, дело твоё. Хочешь представь коллегой, другом, любовником. Мне, честно говоря, всё равно. Но я ни на минуту не упущу тебя из вида.

- Господи! Но почему? Я зайду, поговорю с мамой, успокою её, поцелую дочь и выйду.

- Я сказал, нет. Я должен быть уверен, что ты не позвонишь Милане и не предупредишь её о том, что я в городе.

- Я же сказала, что у меня нет её номера, - произнесла я с той выверенной усталостью в голосе, которая накапливается, когда объясняешь одно и то же много раз.

- Сказала, - согласился он. - А я пока не решил, верить тебе или нет.

- И поэтому ты собираешься войти в квартиру к моей маме.

- Именно.

На этот раз он всё-таки позволил себе что-то похожее на улыбку. Короткую, почти незаметную.

- Она меня не поймёт, - сказала я тише. - Нам и так предстоит тяжёлый разговор. Я кое-что должна ей объяснить. Про Костю. Про… обстоятельства.

Он посмотрел на меня. Долго, чуть иначе, чем прежде.

- Я посижу на кухне, не буду вам мешать, - сказал он.

Я хотела возразить, но он не дал мне сказать.

– Обещаю сидеть, как мышь и не подслушивать.

Я молчала, не зная, какие ещё аргументы ему привести, Алексей молчал тоже.

Снаружи продолжал лить дождь. Капли скользили по лобовому стеклу неровными дорожками, одна обгоняла другую, сливалась с третьей, исчезала у края.

Я смотрела на них и думала о том, что сказать маме, как объяснить присутствие Алексея.

- Хорошо, пойдёшь со мной, но есть одно условие.

- Слушаю.

- При маме, молчишь. Ни слова про Милану, про флешку, про всё это. Она не знает, что сестра в городе. Я сама решу, когда и как ей это сказать.

Он посмотрел на меня. Взвешивал.

- Хорошо, - сказал он наконец.

- Я тебя представлю, как своего хорошего друга, с которым мы когда-то учились на одном курсе института.

- Хорошо. – он смотрел на меня, хитро прищурив глаза, я бы сказала, оценивающе.

- И перестанешь смотреть на меня так. – от смущения я не знала куда деть глаза.

- Как?

- Как смотришь. Ты знаешь, как.

Он снова помолчал.

- Ты красивая, - сказал он. – Мне нравится на тебя смотреть.

Я ничего ему не ответив, отвернулась к окну.

ГЛАВА 9

Дом, в котором жили родители, стоял в новом квартале у набережной, высотка со стеклянным фасадом, с консьержем внутри и подземным паркингом. Папа переехал сюда семь лет назад, когда компания вышла на уровень, который он сам называл «нормальным». До этого

мы жили в обычной пятиэтажке в спальном районе, и я до сих пор помню, как мама ходила по новым комнатам с видом человека, который не уверен, что имеет право на всё это.

Алексей припарковался на свободном месте, в метрах десяти от подъезда. Заглушил двигатель.

Несколько секунд смотрел на фасад с панорамными окнами, с аккуратно подстриженными туями в кадках вдоль входа, которые уже укрыли на зиму.

- Неплохо твои родители живут, судя по фасаду дома. - произнёс он.

- Папа отлично зарабатывает, - сказала я сухо.

Он повернулся ко мне.

- Чего не хватало твоей сестре? - в его голосе было искреннее недоумение, совсем не похожее на риторику. - Нет, серьёзно. Отец богатый, мать, судя по всему, нормальная женщина. Живи, да радуйся.

Я посмотрела на него. Подумала.

- Не знаю, - ответила я коротко.

Он помолчал.

- Что не знаешь? - всё же спросил он.

- Я не знаю, чего не хватала моей сестре и почему она стала такой.

Он смотрел на меня ещё секунду, потом кивнул и сказал:

- Действительно, понять такое сложно.

Мы вышли из машины.

Консьерж кивнул мне из-за стеклянной стойки, я кивнула в ответ. В лифте поднялись на восьмой. Алексей стоял рядом и пристально смотрел на меня, я же стояла рядом и упорно делала вид, что не замечаю его взглядов.

Восьмой этаж. Широкий холл. Две квартиры на этаже. Дверь с цифрой «14».

Я позвонила.

За дверью торопливые шаги. Звук поворачиваемого ключа.

Мама открыла дверь и в ту же секунду, прежде чем она успела сказать хоть слово, из-за её спины вылетел вихрь в розовой флисовой пижаме.

- Мама!

Анютка врезалась в меня с такой силой, что я покачнулась и сделала шаг назад. Обхватила меня руками, ткнулась лицом в бедро.

- Тихо, тихо. - Я прижала её к себе. - Всё хорошо, я здесь.

- Тётя Лена сказала, ты в аварию попала! - Дочка отстранилась и смотрела на меня широко распахнутыми глазами. - Тебе больно? Ты ранена?

- Нет, солнышко, немного машину поцарапала.

Она внимательно осмотрела моё лицо, нашла взглядом царапину на щеке, и нахмурилась с той серьёзностью, которая у маленьких детей выглядит одновременно смешно и невыносимо трогательно.

- Тут у тебя ранка. – сказала она, показывая рукой.

- Знаю.

- Надо помазать зелёнкой.

- Потом помажу. - Я поцеловала её в щёку.

Анютка перевела взгляд на Алексея, который стоял молча и улыбался.

Пауза.

- А ты кто? - спросила она.

Алексей присел на корточки, чтобы оказаться с ней на одном уровне и протянул руку для знакомства, движение получилось естественным.

- Алексей, - сказал он. - Друг твоей мамы.

- Старый?

- Что?

- Старый друг или новый?

Он посмотрел на меня снизу вверх, в его взгляде мелькнуло что-то похожее на веселье.

- Старый, - сказал он. - Мы давно знакомы.

Дочка обдумала это, кивнула с видом человека, принявшего информацию к сведению, и тут же переключилась.

- Бабушка, я хочу печенья! - крикнула она и умчалась в кухню, шлёпая пятками по паркету.

Алексей выпрямился.

Мама смотрела на меня, затем перевела взгляд на него и снова вопросительно посмотрела на меня.

- Мама, это Алексей, - сказала я. - Мы учились на одном курсе. Он случайно оказался рядом, когда произошла авария. Помог разобраться с сотрудниками ДПС. Вот, подвёз к вам.

- Добрый день, - сказал Алексей, и в его голосе не было ни малейшего намёка на всё то, что происходило, между нами, последние два часа. Вежливый человек на пороге чужого дома.

- Добрый, - мама кивнула, посторонилась. - Проходите.

В прихожую вышла Лена, держа в руках кружку с чаем. При виде Алексея на долю секунды замерла, взгляд острый, считывающий.

- Это кто? - спросила она у меня напрямую.

- Алексей. Мой однокурсник и друг. Ты разве не помнишь его? – я пристально смотрела на Лену, пытаясь взглядом, дать ей понять, чтобы она не задавала лишних вопросов и подыграла мне.

Лена посмотрела на него, перевела взгляд на меня, в глазах возникло понимание.

- Ах, Алексей. Давненько не виделись, где пропадал все эти годы?

- Да так, мотался по стране в поисках себя и вот, решил вернутся...

- Лен, - я посмотрела на неё. – Посидите в кухне, напои Алексея чаем, накорми. В общем ты сама всё знаешь, и у Ани печенье отбери, а то она сейчас объестся и потом обедать не будет. Нам с мамой поговорить надо, наедине.

- Хорошо. - Лена посмотрела на Алексея. - Идём со мной.

Он шагнул было в сторону кухни, но у самого порога остановился и оглянулся на меня. Взгляд красноречивый, предупреждение, напоминание. Я выдержала его взгляд, затем посмотрела на маму и сказала:

- Мама, пойдём в гостиную, мне нужно кое-что тебе рассказать.

- Идём, дочка.

Мы зашли в комнату, мама закрыла за собой дверь и присела на диван.

Просторная комната с высокими потолками, панорамное окно на всю стену, внизу набережная, река в дымке октябрьского дождя, мост в огнях.

Я села рядом с мамой, сложила руки на коленях, как в детстве.

Молчала.

- Рита, что происходит? – начала мама. – Почему Аня должна жить у нас?

- Мама, - вздохнула я и продолжила. - Мы с Костей разводимся.

Она не двинулась.

- Рита, говори нормально, не тяни. Почему я из тебя словно клещами должна всё тащить.

- Подожди, мне нужно собраться с мыслями.

Пауза.

Я думала, какие слова подобрать, так ничего и не придумав, решила говорить, как есть:

- Вчера я вернулась домой рано, выставка Лены сорвалась, и застала его с женщиной в постели.

Долгая пауза.

- Вот же мерзавец! – возмутилась мама. – Притащил домой. А кто она, ты её знаешь?

Я посмотрела на неё и выпалила.

- Знаю! Милана!

Атмосфера в комнате изменилась мгновенно.

Стала другой, будто воздух загустел, и пространство между нами сократилось и одновременно выросло. Мама смотрела на меня, и я видела, как выражение её глаз меняется. Неверие, ужас, и наконец, паника.

- Господи, - выдохнула она. – Она вернулась!

- Да, - ответила я. – И они три месяца с Костей любовники.

Мама медленно поднялась с дивана. Прошла к окну. Встала спиной ко мне, глядя на реку внизу.

Я молчала. Ждала, что она скажет.

Пауза затянулась.

- Мама, что ты на это скажешь? Жалко, что папа уехал. Но ничего, он позвонит, и я ему всё расскажу, он сможет избавиться от неё…

- Милана, - наконец сказала она, не оборачиваясь. – Она же мне обещала…

Не слыша меня, произнесла мама.

- Мама, ты меня слышишь? И что значит «тебе обещала»?

ГЛАВА 10

Мама обернулась.

Посмотрела на меня, в её глазах было, что-то похожее на раскаяние.

- Рита, пойми меня правильно, Милана, мне такая же дочь, как ты. Несмотря на то, что она натворила, моей дочерью она быть не перестала. Я считаю, что Александр сурово поступил с ней, выгнал из города, отлучил от дома, от семьи. Она мне сама позвонила, через месяц, после того как уехала. Сказала, что раскаивается в своём поступке и хочет вернуться. Я пробовала поговорить с твоим отцом, но он сказал, категорически «Нет» и запретил мне общаться с ней. Но я не смогла выкинуть её из сердца и из головы, скучала по ней.

На несколько секунд слова повисли в воздухе, не складываясь ни во что осмысленное. Наконец, сложились в целую картинку.

- Что? - произнесла я. – Ты с ней продолжала общаться, все эти годы?

- Да, мы переписывались, созванивались. Она звонила мне или я ей. Я не говорила тебе. Знала, что ты не поймёшь, будешь считать это предательством.

Я смотрела на неё.

- Мама, как ты могла? Мало того, что она постоянно меня подставляла, с самого детства…, не пойми от кого забеременела и родила, так ещё и отказалась от собственного ребёнка и если бы не папа…

- Знаю, всё знаю, Рита. Но она раскаялась в своём поступке и хочет наладить отношения с тобой и отцом.

- Мама, это она так тебе сказала? - Я слышала собственный голос откуда-то издалека. – Она не раскаялась, она вернулась, чтобы разрушить наши жизни. Неужели ты этого не понимаешь? Залезла в постель к Косте, хочет забрать у меня дочь, но у неё ничего не получится…. Нет, я обязана всё рассказать папе.

- Не смей! – повысила голос мама. – У отца больное сердце, его это может убить.

- И что ты мне предлагаешь делать дальше? Терпеть её, ждать, пока она полностью разрушит мою жизнь. Уже начала разрушать, кстати. Сначала Костя, потом она ещё придумает, как побольнее ударить!

- Я поговорю с ней. – сказала мама. – Постараюсь убедить её уехать и не портить тебе жизнь. Только не говори ничего отцу, умоляю! Он мне не простит, что я вопреки его воле продолжала общаться с Миланой.

Я встала не потому, что собиралась уйти, просто сидеть стало невозможно.

Подошла к маме, но смотрела не на неё, а вниз на набережную, на мелкий дождь, на фонари, которые несмотря на то, что было светло, включены и отражались на серой водной глади длинными янтарными столбами.

- Ты знала, что она вернулась? - спросила я, не оборачиваясь.

- Да, знала. Но она обещала мне, что не попадётся вам с отцом на глаза, пока я не улажу всё.

Пауза.

Я продолжала стоять у окна, молча смотрела на улицу, не понимая, как реагировать на предательство матери.

- Рита, - сказала мама за моей спиной. - Посмотри на меня, пожалуйста.

Я обернулась.

Она стояла посреди комнаты, бледная, со сжатыми у живота руками. Как-то в один миг, постаревшая.

- Я не оправдываюсь, - произнесла она. - Я должна была тебе сказать, что мы общаемся, что она вернулась. Это моя ошибка, и я это признаю, но прошу тебя понять одно: я не выбираю кого-то из вас, такой выбор сделать невозможно. Я просто не смогла потерять её окончательно. Она мой ребёнок. Своенравный, сложный, причинивший всем нам много боли. Но мой.

- А я? - спросила я тихо. - Я тоже твой ребёнок.

- Да, - сказала мама. - И ты никогда не давала мне повода сомневаться в тебе. Никогда. Ты всегда была тем человеком, на которого можно опереться. - Голос её дрогнул, едва заметно на последнем слове. – Именно поэтому я всегда знала, что ты со всем справишься, выстоишь, а ей…, Милане нужна поддержка и если вы с отцом отвернулись от неё, то осталась, хотя бы, я.

- Она сказала, что хочет познакомиться с Анютой, - произнесла я. - Сначала как тётя, а потом, когда та к ней привыкнет, скажет ей правду.

Мама молчала секунду.

- Нет, - сказала она. – Я не допущу этого, поговорю с Миланой. Она прислушается к моим словам. Я уверена.

- Мама, пойми ты наконец, не будет она слушать тебя и всё равно сделает то, что задумала. Лучше всё же сказать папе о том, что она вернулась. Он всё равно узнает, рано или поздно, тогда будет только хуже. Тебе! И ей, кстати, тоже.

- Рита, пожалуйста не надо говорить отцу.

- Мама, прости, конечно, но я не смогу молчать. Под угрозой, спокойствие и счастье моей дочери, и я не позволю Милане, снова подставить меня и окончательно разрушить мою жизнь. – у мамы по щекам катились слёзы, но я не знала, как её утешить и как помочь ей выйти из этой ситуации, но и понимала, что права в своём решении, рассказать всё отцу.

За дверью было слышно, как в кухне звенит посуда. Анютка что-то говорила звонко и быстро, Лена ей отвечала, голос Алексея, он что-то рассказывал.

- Как я тебе уже сказала, - продолжала я. – С Костей я развожусь. Аня пока поживёт у вас. Надеюсь, Милана не переступит порог этого дома, пока я занимаюсь своими делами?

Мама, отрицательно покачала головой, но всё же сочла нужным дополнить словами:

- Нет, конечно. Она и не посмеет прийти сюда.

- Хорошо, думаю ты понимаешь, чем тебе это грозит, если она здесь появится. - сказала я, глядя ей прямо в глаза. - А мне нужно найти подходящую квартиру, подать на развод.

- Ты уверена, что нужно разводиться с Костей? – спросила мама. – Может поговоришь с ним, может он оступился и всё понял?

- Мама, о чём ты говоришь! – я схватилась за голову руками. – О каком прощении может идти речь? Не бывать этому, развод, дело решённое. Сейчас поеду на квартиру, соберу вещи Анюты и привезу к тебе, заодно и свои соберу, самое необходимое.

- Ты сегодня у нас ночуешь? – спросила мама.

- Хотела, но после того, что узнала, желания находится здесь нет. Поживу у Ленки некоторое время, она одна живёт, так что я её не стесню.

- Рита, зачем тебе ютиться у подруги, у нас места полно, живите у нас вместе с Анечкой, пока не найдёшь жильё и…

- Мама, я всё сказала. – перебила я её. - Я не хочу жить с тобой под одной крышей, по крайней мере пока. Мне нужно всё обдумать, переварить, прийти в себя.

- Понимаю, - вздохнула мама.

Я, не глядя на неё, вышла из комнаты и прошла в кухню, троица сидела за столом и что-то рисовали, каждый на своём листе.

- Мамочка, - дочка подбежала ко мне и показала лист бумаги с рисунком. – Дядя Лёша, нарисовал корабль. Правда красиво?

- Красиво. Милая, - сказала я, присев на корточки. – Маме нужно уехать, ты поживёшь какое-то время у бабушки с дедушкой.

- А надолго? – спросила она. – А как же папа?

- Нет, ненадолго. Скоро я тебя заберу. Папа уехал в другой город, надолго.

- Понятно. А ты будешь меня навещать?

- Конечно, милая и звонить, каждый день.

- Ладно, пойду к бабушке, покажу рисунок.

И дочка, с криком: «Бабушка, смотри какой корабль дядя Лёша нарисовал», выбежала из кухни.

Мы остались втроём.

- Что у тебя происходит? – спросила Ленка. – И он, - она указала на Алексея. – Откуда взялся?

- Лен, я тебе всё расскажу, но чуть позже. Могу я пожить у тебя какое-то время, пока не сниму подходящую квартиру?

- Конечно! Какой может быть разговор. Живи сколько хочешь.

- Про меня не забудь. – вставил Алексей.

- Тебе, что жить негде? – спросила я, глядя на него.

- Я тебе уже всё сказал, повторяться не буду. – парировал Алексей. – Или вместе к твоей подруге или поедешь ко мне на съёмную квартиру. Выбирай!

- Рит, он что себе позволяет? – Ленка удивлённо смотрела на меня. – Ты кто такой?

- Кто такой, не твоё дело. – ответил ей Алексей. – Ну так что? К ней или ко мне?

- Лен, - я повернулась к подруге. – Ты сможешь, разместить данного товарища у себя?

- Рит, я ничего не понимаю…, - растерянно начала подруга, но посмотрев на меня закончила. – Пусть спит на кухне, на раскладушке. Больше негде, квартира однокомнатная. – Ленка посмотрела на него. – Тебя устраивает?

- Устраивает. – ответил он.

- Отлично! А сейчас едем ко мне, нужно собрать вещи, мои и дочери, самое необходимо, потом завезём их сюда и затем к тебе, Лен.

Мы дружно вышли из кухни в прихожую, оделись, и я крикнула:

- Мама, мы ушли. Скоро привезу вещи Анютки.

Мама выглянула из гостиной и сказала:

- Хорошо, буду ждать.

Выйдя из квартиры, вызвали лифт, пока ждали, никто из нас не произнёс ни слова, спустились вниз, на улице, всё также молча, сели в машину Алексея, я сказала адрес, и мы помчались в сторону моего дома, почти бывшего.

ГЛАВА 11

Город за стеклом автомобиля проплывал серым, размытым пятном. Дождь не прекращался. Лена сидела сзади и молчала, что для неё было явлением столь же редким, как безоблачное небо в октябре. Иногда я чувствовала её взгляд на затылке, острый, вопросительный, но она себя сдерживала и не задавала вопросов.

Алексей вёл машину, смотрел на дорогу и молчал.

Я, глядя в окно, думала о маме.

О том, как она стояла посреди гостиной, бледная, со сжатыми руками, с этим выражением человека, которого накрыло той самой волной, которую он сам же и вызвал. Как простить предательство матери? Нет, не то, что она общалась с сестрой все эти годы, она права, Милана ей такая же дочь, как и я, а предательство в том, что она мне ничего не сказала и вот к чему её молчание привело.

Телефон завибрировал в моей сумке.

Я достала его, посмотрела на экран.

«Костя»

- Не забудь включить громкую связь, - сказал Алексей, не поворачивая головы.

- Зачем тебе слышать наш разговор с мужем? – спросила я.

- Включи. – проигнорировал мой вопрос Алексей.

Я смахнула вызов: «Принять».

- Слушаю.

Секундная пауза.

- Рита. - Голос Кости был слегка виноватым. - Ты как?

- Нормально. - Я смотрела в окно. - Что ты хотел?

- Я... - Пауза. - Ты где сейчас, на работе? Нам нужно с тобой поговорить. Вчера всё случилось слишком... внезапно. Тебе нужно было дать время успокоится.

- Ты позвонил, чтобы сообщить мне, что вчера всё случилось внезапно.

- Рита, я понимаю, что ты злишься...

- Костя, - перебила я, - ты ошибаешься, я не злюсь. Сейчас приеду домой, соберу свои вещи и вещи дочери, а затем уеду. Разговаривать нам не о чем, и я завтра же подам на развод. Это всё, что я хотела сказать, если тебе вдруг интересно.

Короткое молчание.

- Я сейчас дома..., хорошо жду, но нам всё равно нужно поговорить.

- А что ты собираешься мне сказать? Что это была ошибка? Что ты не понимаешь, как так вышло? Что она сама...

- Рита, послушай..., в общем жду тебя дома.

И он отключился.

- Муженёк наставил тебе рога? – спросил Алексей.

- Да. Застала его вчера в постели с другой.

- Мерзавец. – возмущённо сказала подруга с заднего сидения. – Рита, твой Костя мне никогда не нравился, было в нём что-то скользкое...

- Так, молчите оба, мне надо подумать. Вы сидите в машине, подождите меня, я одна поднимусь в квартиру. Разговаривать с ним я не собираюсь, быстро соберу вещи, возьму документы и спущусь.

- Нет, я пойду с тобой. – сказал Алексей. – Мало ли, помощь моя понадобится. Я так понимаю, ты собираешься разводиться с ним, не известно, что ему в голову взбредёт. Знаю я, были случаи, вроде хорошие отношения, а как дело доходит до делёжки имущества, люди превращаются в монстров.

- Алексей прав, Рит. – поддержала его подруга. – Вдруг он тебя ударит, а тут мужик рядом. Я тоже пойду с тобой.

Я молчала, думая, как поступить: «С одной стороны, Алексей и Лена правы, мне нужна поддержка, хотя бы моральная, с другой, они оба узнают, что Костя изменил мне с Миланой. Ну и ладно, пусть узнают. Алексей, через Костю, найдёт Милану и оставит меня наконец в покое».

- Хорошо. Только вы не вмешивайтесь, сидите в комнате молча.

Мы подъехали к дому и остановились у подъезда.

- Выходим, - сказала я и открыв дверцу машины, вышла на улицу.

- Подождите меня, - ответил Алексей. – Сейчас припаркуюсь.

Лена вышла и молча застегнула пальто.

Алексей, отъехал к соседнему подъезду, припарковал машину, вышел и направился к нам. Мы зашли в подъезд и поднялись на третий этаж.

Остановились у двери с цифрой «8».

Я достала ключи, вставила в замок, повернула.

Щелчок.

Открыла дверь и вошла в квартиру.

Костя стоял в прихожей. Руки в карманах джинсов, выражение лица спокойное, но я знала оно стоило ему огромных усилий.

Он посмотрел на меня, перевёл взгляд за мою спину.

Взгляд его скользнул по Лене, задержался на Алексее. Секунда. Две.

- Рита, - произнёс он, - я думал, ты придёшь одна, и мы поговорим спокойно, наедине.

- Жизнь полна разочарований, - сказала я и сделала ещё шаг, давая возможность пройти Лене и Алексею.

Костя посторонился, давая мне пройти, и снова посмотрел на Алексея.

- Пришла, с группой поддержки? - произнёс он наконец, и в голосе была лёгкая насмешка. - Уже и хахаля домой притащила, да ещё и подружку свою, истеричку, или он у вас один на двоих. Весёлая компания.

- Заткнись! - ответил ему Алексей, пропуская Лену вперёд.

Лена прошла в прихожую, бросила на Костю взгляд, в котором отражалось всё, что она думает о нём как о человеке и как о явлении, разделась и молча повесила пальто на крючок.

Алексей вошёл последним. Закрыл дверь.

Они коротко посмотрели друг на друга с Костей.

- Ты кто такой? – слегка растерялся Костя от грубости Алексея. – По какому праву затыкаешь мне рот в собственной квартире и вмешиваешься в наши разговоры с женой.

- Кто такой, тебя не касается. Сейчас Рита соберёт вещи, свои и ребёнка, и мы уйдём. Обойдись без истерики, иначе будешь иметь дело со мной.

Я посмотрела на Алексея, положила ему руку на плечо и покачала головой: «Не надо, я сама разберусь», он понял и кивнул.

- Лен, - сказала я, повернувшись к подруге. - идите с Алексеем в большую комнату. Мы с Костей поговорим в кухне.

- Хорошо, - ответила Лена, и интонация этого «хорошо» означала: «Я слышу всё, что происходит, и, если что, я в двух шагах».

Алексей посмотрел на меня секунду, чуть прищурившись и прошёл в сторону комнаты, которую я называла большой.

Зашла в кухню и молча встала у окна, лицом к Косте.

Он вошёл следом, сел за стол, глядя на меня.

- Рита, - начал он.

- Нет, не надо слов, - перебила я. – Сейчас я тебе скажу, один раз и следующая наша встреча состоится в суде при разводе. Я приехала за вещами, моими и дочери.

Пауза.

- Рита, ты хотя бы выслушай меня.

- Костя, - произнесла я, - что именно ты хочешь мне сказать? Что я неправильно поняла? Что я не так интерпретировала то, что видела своими глазами?

Он сжал пальцы в кулак.

- Между мной и Миланой...

- Костя.

- ...это не случайность.

- Я знаю, - сказала я. - Три месяца, вы любовники и мне, честно сказать всё равно, как так получилось. Избавь меня от подробностей.

- Да послушай же ты меня! – повысил он голос.

- Хорошо, говори.

- Почему ты решила, что дочь останется с тобой? - Голос стал чуть резче. - Я имею точно такие же права на ребёнка, как и ты. У меня есть своё жильё, хорошо оплачиваемая работа, после развода женюсь на другой женщине…. Да, да, на твоей сестре, а она, на минуточку, родная мать Ани. А ты! У тебя нет собственного жилья, тебе придётся снимать квартиру, а это минус из бюджета. Ты останешься одна. Как ты собираешься воспитывать ребёнка, уделять ей внимание, да ещё и работая при этом? Суд вполне может встать на мою сторону.

- Что ты сказал? - я с удивлением смотрела на Костю. - Зачем тебе Аня? Когда мы удочерили её, через месяц после нашей свадьбы, ты принял моё решение с недовольством, помню сказал тогда: «Ритусь, ну зачем нам младенец, надо пожить для себя, пусть твои родители забирают внучку и воспитывают её, а у нас будут свои дети, лет через пять», - напомнила я ему. – С чего вдруг ты так воспылал любовью к ребёнку? Ты просто хочешь мне усложнить жизнь? Не можешь смириться, что это я подаю на развод, а не ты?

Пауза.

- Ты думаешь, что нужен Милане? Нет, Костя, ты ошибаешься. Она использует тебя и выкинет за ненадобностью, когда наиграется в любовь и примерную мать.

Он нахмурился.

- Что ты имеешь в виду?

- Милана так устроена. Ей нужно всех растоптать и всё вокруг разрушить, а потом она перешагнёт через тебя и пойдёт дальше, а ты будешь собирать себя из осколков. И суд не встанет на твою сторону, дочка останется со мной, потому что я ей родная тётя, а ты никто.

Он молчал. Смотрел на меня с выражением, которое я не смогла понять.

- А вот тут ты ошибаешься, дорогая, - сказал он наконец. - Аня моя родная дочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.